

Секция «11.1 Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»

Архетип Персефоны в романе Т. Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» от мифа к викторианской трагедии

Научный руководитель – Корнилова Елена Николаевна

Зыбина Даниэль Анатольевна

Выпускник (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: zybinaDani1501@mail.ru

В викторианской литературе мифологические образы часто служили метафорами для сложных психологических и социальных конфликтов, недоступных прямому обсуждению в условиях пуританской морали. Как показывает аналитическая теория, фигуры древнегреческих богинь действуют в романе не как случайные украшения, а как архетипические каркасы. В трактовке К.Г.Юнга архетип Персефоны представляет собой модель «пограничного существования» [3, с. 128]. Она существует одновременно в двух формах, каждая из которой доведена до предела и потому трагична. Одна сторона связана с матерью (жизнь), другая – с мужем-повелителем подземного мира (смерть). Таким образом, «потерянная девственность» и «переход через границу Аида» оказываются эквивалентными понятиями, обе ситуации выражают архетипический акт инициации – смерть девичьей идентичности и переход к новому онтологическому состоянию. Упомянув Персефону лишь фрагментарно, мифологический гимн Деметре ненавязчиво закладывает три ключевых мотива [2, с. 155-156]. Во-первых, девочка срывает цветы, привлекает цветок – нарцисс, после чего «раскололась почва», и «владыка» Аид уносит ее в царство мертвых. Во-вторых, Деметра, в отчаянии, прекращает плодородие земли – «семя сокрыла. . . пашни бесплодны». В-третьих, Аид дает Персефоне «зернышко граната, с замыслом тайным», и установлено, что часть года она будет проводить в подземелье, часть – у матери. Эти «узлы мифа» непосредственно проецируются в судьбу главной героини Гарди. Уже в первой главе романа намечается деметро-персефонический архетипический фон, определяющий дальнейшую символику образа героини. Так, в родной деревне Марлот Тэсс участвует в местном празднике плодородия в честь «местной Цереры» (римского эквивалента Деметры). Появление главной героини в белом платье с красной лентой (с самого начала автор добавляет эту деталь для того, чтобы выделить Тэсс среди остальных девушек, скрытый знак будущей «раны»); Она еще находится в мире Кору – дочери, в белом, в весеннем хороводе, – но в ее образ уже включен элемент будущего перехода) с букетом полевых цветов – образ чистой Кору до похищения – отражает идею «жизни цветка», которую описывает Юнг [3, с. 128]. Алек – мужчина, соблазнивший (или насильственно подчинивший) Тэсс и ставший причиной ее «падения», в мифопоэтическом прочтении выступает фигурой, неспособной к подлинному союзу. Его сопоставление с «Аидом–Тесеем» соединяет два мифологических мотива: похищение Персефоны Аидом и оставление Ариадны Тесеем. Однако в структуре образа доминирует именно аидический аспект: Алек «похищает» Тэсс из мира девичьей природной целостности и переводит ее в пространство страдания, социального изгнания и символической смерти. Именно поэтому Гарди подробно показывает, как Тэсс с восторгом ощущает благодать южного ландшафта и свою юную невинность (эпизод демонстрирует скрытое предвосхищение ее будущего «погружения во тьму», которое реализуется в трагическом событии). «Похищение» происходит в «фруктовом саду» Алека, где под прикрытием любезностей он угощает Тэсс клубникой сорта «Британская королева» и украшает ее шляпку розами. Этот эпизод явно перефразирует

«цветочный» мотив мифа: вместо нарцисса появляется клубника – «ягода и цветок» одновременно, символизирующие запретный плод. Рэдфорд отмечает, что «British Queen» («королева») и розы метафорически обрекают Тэсс стать невестой Аида в подземном мире: как зерна граната связывают Персефону с обязанностью периодически возвращаться в царство мертвых, так и угощение с цветами указывают на будущую участь героини [5]. После этого события мир Тэсс действительно «раскалывается». Ее морально уничтожают стыд и страх, и земля ее родного мира перестает быть благодатной. На молочной ферме Тэлботейс она наслаждается иллюзорной «весной» возрождения, однако уготованный ей «плод» не рождается – сперва ребенок умирает, потом муж отвергает ее, и новый «завет» с Аидом вступает в силу. Основная трагедия заключается в том, что Гарди «ломает» мифологическую надежду на возвращение. В финале Тэсс оказывается под сводами каменного круга Стоунхенджа, преобразованного в «языческий алтарь» ее судьбы. Как пишет Рэдфорд, восход солнца здесь не означает весну, а лишь «высветит» неизбежность наказания, где окруженная «темными фигурами закона» в серебристом предрассветном свете, героиня осознает, что ее восхождение к свету навеки закрыто. Цикл Персефоны усечен, а связь с материальной землей нарушена окончательно, геройское «воскрешение» не наступает. Таким образом, у Гарди миф о Персефоне служит не романтическим фоном, а жестокой моделью викторианской необратимости. Тэсс проходит через «переход», сходный с мифическим путем Персефоны, где утрата девственности превращается в метафору нисхождения в «подземный мир». Однако возвращение из царства мертвых здесь не предвещает весны, а сменяется ритуальной жертвой. В художественной ткани романа архетип Персефоны обнажает трагедию женщины, чья «весна» оборвалась насильственно, и показывает, как патриархальное общество предотвращает ее «воскресение».

Источники и литература

- 1) Гарди Т. Тэсс из рода д'Эрбервиллей. М., 2018.
- 2) Гомер. Гимн V: К Деметре // Эллинские поэты: в переводах В. В. Вересаева. М., 1999.
- 3) Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. К., 1997.
- 4) Hardy T. Tess of the d'Urbervilles: A Pure Woman Faithfully Presented. London, 1891.
- 5) Radford A. The Making of a Goddess: Hardy, Lawrence and Persephone // Connotations. 2002/03. Vol. 12. № 2–3